

The background of the cover is a photograph of a park. In the foreground, there is a dark metal fence with a decorative post. Behind the fence is a lush green lawn and several trees. In the distance, a large building with a red brick tower and a blue roof is visible. The sky is light blue.

ДОЧЬ СТАЛИНА

**СВЕТЛАНА
АЛЛИЛУЕВА**

**ПОСЛЕДНЕЕ
ИНТЕРВЬЮ**

Светлана Иосифовна Аллилуева Дочь Сталина. Последнее интервью (сборник)

Серия «Наследие кремлевских вождей»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6055863

Дочь Сталина. Последнее интервью: Алгоритм; Москва; 2013

ISBN 978-5-4438-0346-3

Аннотация

Героиня этой книги – дочь всемогущего Вождя, восставшая против отца, одна из самых неоднозначных женщин новейшей истории нашей страны. Незадолго до смерти Светлана Аллилуева успела дать развернутое интервью о себе, эпохе и своем отце. Она не подозревала, что это интервью станет последним. Дочь Сталина откровенно рассказывает о своей семье, об эпохе, которую ей довелось пережить, и о своей сложной и увлекательной судьбе. В книгу также вошли давно не переиздававшиеся «20 писем к другу» – самая известная книга Светланы Аллилуевой.

Содержание

Ада Петрова, Михаил Лещинский	4
От авторов	4
Глава первая	13
Дом, полный любви	13
Надежда Сергеевна	18
Яков	27
Василий	31
Светлана – Дочь Иосифа	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Светлана Аллилуева Дочь Сталина. Последнее интервью

Ада Петрова, Михаил Лещинский
**Дочь Сталина.
Последнее интервью**

От авторов

В последний день ноября 2011 года на новостных лентах информационных агентств, в программах радио и телевидения появилось сообщение о том, что в США в городке Ричленд (штат Висконсин) в возрасте 85 лет скончалась от онкологического заболевания Лана Питерс, известная в России как Светлана Иосифовна Аллилуева, единственная дочь Сталина. Журналист местной газеты Wisconsin State Journal Даг Моу сообщил, что смерть наступила еще 22-го числа, но муниципальные власти не предали этому должного значения, так как им не было известно прежнее имя одной из обитательниц дома престарелых. Этот же корреспондент по-

ведал, что был знаком с покойной, бывал в ее очень скромной однокомнатной квартирке, где не было даже телевизора. «Это была бедная женщина, живущая на 700 долларов в месяц от государства», – заявил он.

Ее рожденная в Штатах дочь Ольга Питерс, ставшая теперь Крис Эванс, живет в Портленде (штат Орегон), где владеет небольшим магазином одежды. Она сказала, что часто общалась с матерью по телефону, ездила к ней в Ричленд, а сейчас собирается на похороны.

Все сообщения были лаконичными, лишенными эмоций, с короткими комментариями, которые в основном касались ее отца и жизни Светланы в Америке.

Для нас это горестное событие стало настоящим эмоциональным ударом, принесло ощущение потери, которое испытываешь, теряя близкого человека или душевного друга. А ведь знакомы-то мы были совсем немного и провели вместе всего лишь неделю, да и то два десятилетия назад, еще в прошлом веке. Но вспомнилось многое...

Среди дворцовых палат и помпезных храмовых врат есть за Кремлевской стеной ничем не примечательное строение с массивной дверью под железным козырьком крыльца. Когда-то здесь была святая святых: последняя квартира Сталина в Кремле. После смерти вождя комнаты сохранялись в неприкосновенности, словно холуи боялись, что Хозяин вот-вот вернется. Позже квартира стала частью Президентского архива. Здесь в строжайшей тайне и полной неприкосновен-

ности хранятся все, или почти все, документы и свидетельства важнейших событий в жизни Иосифа Джугашвили-Сталина и членов его семьи.

Есть какая-то тайна в Кремлевском холме, отгороженном от мира то ли крепостной, то ли тюремной стеной. Злые шутки играет судьба с теми, кто воцаряется здесь. Избранные быстро забывают о том, что они тоже простые смертные, что в результате все вновь обернется ложью, предательством, разоблачениями, трагедией, а то и фарсом. Об этом поневоле задумаешься, листая тысячи архивных документов, начиная от каких-то медицинских справок и результатов анализов, частных писем и фотографий до документов, имеющих без преувеличения историческое значение.

Именно тогда обратили мы особое внимание на простенькие папки с «ботиночными» шнурками, на которых от руки было написано: «О невозвращении Светланы Аллилуевой». Слово-то какое придумали: «невозвращение». В этих папках открылась вся жизнь дочери Сталина. Архивная биография эта была, словно мозаичное панно, собрана из мельчайших деталей; детских рисунков и донесений охранников, писем родителям и расшифровок подслушанных разговоров, документов спецслужб и телеграмм дипломатических представительств. Картина получалась разнообразная, но достаточно мрачная, причем всегда: и при жизни отца, и после его смерти, и на Родине, и за рубежом.

Что все мы знали тогда об этой женщине? Да ничего. Раз-

ве что скабрзную частушку:

Калина-малина,
Сбежала дочка Сталина —
Светлана Аллилуева.
Вот семейка х...ва.

Стыдно теперь за эти «познания». В это же русло устремились и потоки изощренной лжи, вылившиеся на страницы советской прессы после отъезда Аллилуевой в марте 67-го. О чем только не писалось тогда с подачи опытных «редакторов» из КГБ! Утверждалось, что этот поступок спровоцирован тяжелым психическим недугом, неумеренной сексуальностью, манией преследования. С другой стороны предполагалось тщеславие, жажда обогащения, поиски дешевой популярности. Договорились даже до поисков сокровищ отца, якобы, спрятанных в западных банках. С годами стали появляться статьи, очерки и целые книги об этой жизни, основанные на каких-то косвенных свидетельствах, сплетнях, домыслах и мифах. И никто из этих «авторов» не видел ее, не говорил, не брал интервью.

Меж тем за рубежом были изданы и четыре ее собственных произведения, появившиеся в 90-е и у нас: «20 писем к другу», «Только один год», «Далекая музыка», «Книга для внушек». Несомненно, они много сказали о трагической судьбе ребенка, женщины, матери и жены, незаурядной личности, наконец. И все же чувствовалось, что многие главы

написаны в них под влиянием настроения, момента, противоречий и метаний неумной души. И, конечно, надо учитывать и то, что написаны и изданы они на Западе, невольно, может быть, но «подстроены» под тамошнего читателя и издательские коммерческие интересы.

Документы из секретного и поныне досе настолько потрясли, что было решено непременно найти Светлану Иосифовну и, если получится, сделать с ней телевизионное интервью. Конечно, было известно, что сделать это очень не просто. К середине 90-х она уже много лет жила на Западе, в последние годы не давала никаких интервью, поменяла имя и фамилию, тщательно скрывала не только свой адрес, но не было известно даже, в какой стране обосновалась.

Начали с поисков московских родственников. А их, к счастью, тогда было еще немало: двоюродный брат Владимир Аллилуев – сын Анны Сергеевны Аллилуевой, родной сестры жены Сталина Надежды, двоюродные брат и сестра Кира и Павел – дети Павла Сергеевича Аллилуева, родного брата Надежды, племянник Александр Бурдонский, сын Василия Сталина, и, наконец, сын Светланы Иосифовны Иосиф Аллилуев. Все они очень милые, интеллигентные, вполне состоявшиеся люди. Владимир Федорович Аллилуев – инженер, писатель, Кира Павловна Политковская (урожд. Аллилуева) – актриса, Александр Павлович Аллилуев – ученый-физиолог, Александр Васильевич Бурдонский (урожд. Сталин) – театральный режиссер, народный артист респуб-

лики, Иосиф Григорьевич Аллилуев – кардиолог, доктор медицинских наук.

К величайшему сожалению, теперь многих уже нет в живых, но мы сохранили записи интервью с ними, которые представим в этой книге. То были яркие, хотя отнюдь не радужные воспоминания об истории семейного клана, чьим злым роком стало родство со Сталиным, и, конечно, о Светлане, которую, несмотря на разрыв с Родиной и семьей, помнили и по-родственному любили.

Владимир Федорович Аллилуев, единственный из многочисленной родни, продолжал поддерживать связь с двоюродной сестрой, а, точнее, она доверяла ему и переписывалась. Владимир Федорович и помог нам связаться со Светланой Иосифовной. По его рекомендации она согласилась встретиться в Лондоне, где жила тогда. И мы поехали...

Когда мы позвонили ей и сказали, что уже в Лондоне и готовы работать, она не пригласила нас к себе, а предложила встретиться где-нибудь в городе: в Кенсингтонском парке, например. Мы очень волновались, зная по рассказам ее непредсказуемый характер, крутой нрав. Ожидать можно было чего угодно. Наша героиня могла отказаться от интервью, поддавшись минутному капризу, а может быть, мы ей просто не понравимся.

Она ведь столько уже натерпелась от прессы.

В тот день поздней осени город с утра засыпало столь необычным для Лондона снегом. Конечно, на улицах и тро-

туарах он быстро растаял, а вот в парке еще лежал на зеленых газонах и уцелевшей еще пожухлой листве. Белым были обрамлены и золоченые ворота Кенсингтонского дворца – тогда еще резиденции принцессы Дианы. Подумалось профессионально: в парке принцессы английской встреча с принцессой кремлевской. Однако появление Светланы Иосифовны тут же разрушило этот только что родившийся очередной журналистский штамп. К нам подошла очень скромно одетая, немного сутулая обаятельная женщина, разгладившаяся от утренней снежной прохлады. Сразу обратили на себя внимание ее открытое лицо, приветливая, почти застенчивая улыбка и большие светлые глаза. Никакой настороженности, напряженного внимания во взгляде – она была сплошное обаяние. И, как будто были знакомы сто лет, затеялся разговор о пустяках: как долетели, как устроились, что в Москве? Мы передали ей какие-то письма, посылочки, которые она, не вскрывая, сразу же убрала в сумку. Не затягивая вынужденную неловкую паузу, Светлана стала рассказывать о парке, где назначила встречу, о том, что именно здесь она любит проводить свои одинокие дни. Ничуть не смущаясь, показала на маленькую кафешку у пруда и сказала, что здесь утром она пьет чай с булочкой, а на обед – бульон с пирожком. Все самое простое, доступное. Здесь же, на аллеях парка, читает книги, кормит уток и лебедей на пруду, а вечером уезжает в свою маленькую квартирку на севере Лондона, своеобразное общежитие для пожилых людей, находящее-

еся на попечении городских властей. Транспорт, слава богу, для пенсионеров бесплатный, а вот за жилье и коммунальные услуги приходится платить, но совсем немного. Так что 300 фунтов пенсии, которую ей назначил один уважаемый профессор из Кембриджа, вполне хватает...

Она сразу же стала выкладывать все эти подробности, буд-то боясь наших вопросов, неосторожного, а, быть может, и бестактного вторжения в ее частную жизнь. Она очерчивала круг, внутрь которого ступать было нельзя. Конечно, этому ее научили десятилетия, проведенные в Америке и Англии, горький опыт общения с наглой и циничной прессой. А ведь поначалу газеты восторженно писали:

«Это изящная, жизнерадостная женщина с рыжими вьющимися волосами, голубыми робкими глазами и привлекательной улыбкой, весь облик которой светится чувствами добра и искренности. «Хелло! – говорит она. – Фотографируйте, пишите и говорите обо мне все, что угодно. Как это много – сказать перед всем миром все, что думаешь...»

Через пару десятилетий те же издания стали сообщать о том, что дочь Сталина скатилась на дно, живет в ночлежке для наркоманов и алкоголиков, теряет человеческий облик. Естественно, что все эти «новости» с радостью подхватывала и наша пресса.

Мы понимали, каких усилий стоило ей решение встретиться с нами, были благодарны за это и боялись спугнуть только-только установившееся хрупкое еще доверие. Конеч-

но, у нас и в мыслях не было когда-нибудь злоупотребить им, но все же предстояло каким-то образом добиться, чтобы она вновь перелопатила всю свою жизнь, открыла ее драмы, надежды и разочарования. Удивило, что Светлана Иосифовна не стала расспрашивать о родных, о жизни в стране. Неужели за годы скитаний она не только изменила свое имя, став никому не известной Ланой Питерс, но и отринула от себя все, что связано с землей, где родилась, была счастлива и несчастна, где упокоился прах ее родителей, бабушек и дедушек, где увидели свет ее дети? Конечно, нет. Скорее всего, это была лишь первоначальная защитная реакция от прикосновения к больному, глубинному. Потом все так и оказалось.

Однако подошло время святого для англичан ланча, и мы отправились в самый обычный лондонский ресторан. Обед был обычным, но видно было, какое удовольствие доставляют ей самые обычные блюда, как смакует она все, что подано к столу. «Давно я так не пиновала», – поблагодарила в конце, и было очевидно, что это истинная правда.

Расставаясь, договорились о съемках завтра. И вновь она не захотела, чтобы мы снимали у нее дома или мы приехали за ней. «Я сама приду к вам в отель», – сказала на прощанье.

Глава первая

«Воспоминанья слишком давят плечи, как будто это было не со мной...»

Дом, полный любви

Наутро перед камерой она была свежа и естественна: никакой «зажатости», жеманства, желания понравиться. И разговор начался как бы с полуслова, зацепившись за броский заголовок в одной из привезенных нами газет: «Кремлевская принцесса».

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Господи, какая чушь! Да не было там никаких принцесс. Здесь тоже писали, что она ела из золотых тарелок, спала на кроватях из царского дворца. Ерунда все это. Так пишут люди, которые ничего не знают, не были там. В Кремле мы все жили в строгости, в работе, в занятиях. В мое время все так называемые «кремлевские дети» очень усердно учились, кончали университеты, получали специальности. Это было важно. Кто там жил? Молотовы, Ворошиловы, Калинин и мы. У всех были довольно убогие квартирки с казенной мебелью. У нас при жизни мамы была небольшая, бедно мебели-

рованная квартира в доме, где при царе жила дворцовая прислуга. Отец был очень строг в смысле быта и одежды. Очень следил. Увидит на мне что-то новое, нахмурится и спрашивает: «Это что? Заграничное? – «Нет, нет», – говорю. «Ну, тогда ладно». Очень не любил заграничное. Никакой косметики, никаких духов, ни губной помады, ни маникюра. Ни боже мой! Какая уж тут принцесса! Я вообще очень не любила кремлевскую квартиру, даже детских воспоминаний ярких не сохранилось об этой жизни «за стеной». Другое дело – дача в Зубалово. Это была когда-то богатая усадьба бывшего нефтепромышленника. Отец поселил семью там, а рядом обосновался Микоян. Я помню Зубалово, как дом, полный любви. Они были все очень добрые, Аллилуевы. Бабушка и дедушка постоянно жили в Зубалово, а остальные приезжали: мамина сестра Анна Сергеевна, брат Павел Сергеевич, внуки Аллилуевские. Нас было 7 человек детей. И все тут же крутились, вертелись под ногами. Отец был не из тех, кто любит быть один. Он любил компанию, любил стол, любил угощать, развлекать. Грузины ведь народ семейный. У отца же не было ни братьев, ни сестер. Вместо кровных родственников для него семьей стали родители, братья, сестры его жен – Екатерины Сванидзе и моей мамы. Когда я была ребенком, я очень любила своих родителей, маму больше, дедушку, бабушку, тетушек и дядюшек, братьев и сестер».

Конец 20-х годов – начало 30-х были счастливым време-

нем для семейного клана Сванидзе – Аллилуевых. Еще все вместе, успешны, живы и здоровы. Сергей Яковлевич Аллилуев и его жена Ольга Евгеньевна встречали старость в почете и достатке, в окружении детей и внуков.

Их дочь Надежда, жена Сталина, женщина умная и дипломатичная, умела объединить очень разных и непростых родственников.

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«С дядей Лешей Сванидзе отец познакомился еще в молодости. Тогда у Александра Семеновича была партийная кличка Алеша. Так он и остался для всех нас под этим именем. Он был европейски образованным марксистом, большим финансовым деятелем, много лет работал за границей. Я запомнила его и его жену тетю Марусю как настоящих иностранцев: так они были интеллигентны, образованны, всегда хорошо одеты. В те годы это была редкость даже при «кремлевском» дворе. Я любила Марию Анисимовну, даже пыталась в чем-то подражать ее. Она была в прошлом оперной певицей, любила приемы, веселые застолья, премьеры.

А сына своего Джонрида, Джоника, они воспитывали, в отличие от нас, как настоящего барчука. Были еще Сашико и Марико, родные сестры дяди Алеши, но я их как-то не запомнила.

Больше же всех я любила Аллилуевских родственников – дядю Павлушу и тетю Аню, маминых брата и сестру. Дядя

воевал под Архангельском с англичанами, потом с белогвардейцами и басмачами. Он стал профессиональным военным, дослужился до генерала. Долго работал военным представителем в Германии. Отец любил Павла и его детей Киру и Сашу.

Анна Сергеевна была на удивление доброй и самоотверженной. Она вечно переживала за семью, знакомых, всегда просила за кого-то. Отец всегда страшно негодовал на это ее христианское всепрощение, называл ее «беспринципной душой». Мама жаловалась, что Нюра портит детей и своих и моих. Тетя Анечка всех любила, всех жалела и прощала любую детскую шалость.

Я все время хочу воскресить в памяти те солнечные годы детства, поэтому говорю обо всех тех, кто был участником нашей общей жизни».

Из интервью Киры Павловны Политковской-Аллилуевой:
«Это было веселое время. Приезжал Ворошилов, Микоян, Буденный с гармошкой, начинает играть, Орджоникидзе танцует лезгинку. Весело время проходило. Я не помню, чтобы они много пили: так вино легонькое, кислое. По кавказской традиции и нам, детям, давали. Дедушка был не очень веселый, а вот бабушка могла взять гитару, спеть.

Сталин умел общаться с детьми, забывал, кто он и что он. Очень все любили кино смотреть наше и американское с Динной Дурбин.

В то время Светлана ладила со всеми, или черты ее характера не проявлялись. Мы всегда спали в одной комнате: ее кровать у одной стены, моя — у другой. Я всегда танцевала. Нянечка уйдет, а Светлана просит меня потанцевать. Она сидит на кровати, а я танцую под Штрауса на патефоне. Очень была хорошая девочка».

Из интервью Александра Павловича Аллилуева:

«Иосиф Виссарионович очень любил играть в бильярд. Мой отец тоже хорошо играл. И вот однажды они договорились сыграть на пролаз под столом. Обычно Сталин выигрывал, но на этот раз победил отец. Возникла курьезная ситуация. Никто не мог представить, что Сталин полезет под стол. Отец быстро среагировал и велел лезть мне, что я с превеликим удовольствием исполнил. И вдруг моя сестра Кирка возмутилась, что это нечестно, что Сталин должен лезть под стол. Все засмеялись, а Сталин громче всех. Сталин любил, когда собиралась большая компания. Бывало так, что за столом сидели маршалы Буденный, Ворошилов, Егоров, Тухачевский, здесь же наши родители и мы, дети. Такие сборища часто заканчивались большими возлияниями, а после них принято было бороться. Сложно было мериться силами с Тухачевским. Он был физически сильный человек, спортивный. Он своих оппонентов быстро укладывал. И в одной такой борьбе он в сильном подпитии подошел к Иосифу Виссарионовичу и поднял его на руках, давая понять, что он мо-

жет все. Я посмотрел в глаза Сталина и увидел там такое, что сильно напугало меня и запомнилось, как видите, на всю жизнь».

Что ж, эти ребятишки могли с полным основанием декламировать пионерский лозунг тех дней: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» Правда, детство это очень быстро кончилось. Семейный клан был разгромлен его главой. Одних уничтожили, другие отправились в ссылку и лагеря. И точкой отсчета всех несчастий стало самоубийство матери Светланы.

Надежда Сергеевна

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Отец познакомился с семьей большевика Аллилуева в 1890 году, когда мамы еще не было на свете. У него была жизнь подпольщика. Ни дома, ни семьи. Четыре раза был в ссылке в Сибири, три раза убегал. Бабушка, дедушка его опекали, как родители. Они были старше. Они посылали ему в Сибирь табак, сахар. Он им писал очень нежные письма. Когда он в очередной раз вернулся из ссылки, маме еще не было 16. Она в него влюбилась.

Аллилуевы, я думаю, его жалели. Это позже стали говорить, что он великий человек. А тогда он не был никаким «великим». В нем была бездомность, неухоженность. Я

очень часто думаю, почему мама в него влюбилась? Она его жалела, а когда женщина жалеет – это уже все.

Когда я была ребенком, я обожала маму, просто обожала. Мама – это было все: дом, семья. Теперь-то я понимаю, что детьми она занималась немного. Ее больше заботило наше воспитание и образование, потому что и сама всю жизнь стремилась к этому. Мое детство с мамой продолжалось всего шесть с половиной лет, но за это время я уже писала и читала по-русски и по-немецки, рисовала, лепила, писала нотные диктанты. Мама добывала где-то для меня и моего брата хороших воспитателей... Это была целая образовательная машина, которая крутилась, запущенная маминой рукой, – самой же мамы никогда не было дома возле нас. В то время, как я сейчас понимаю, женщине, да еще партийной, неприлично было проводить время около детей. Это считалось мещанством. Тетушки говорили мне, что она была «строгой», «серьезной» не по годам, – она и выглядела старше своих 30 лет только потому, что была необычайно сдержанна, деловита и не позволяла себе распускаться».

Когда мы работали в «Фонде Сталина», нам, естественно, никто не разрешал делать копии документов, но мы пошли на хитрость: снимали все на камеру, а потом делали фотокопии с экрана кинескопа. Таким образом, удалось многое привезти в Лондон и показать Светлане Иосифовне. Была там и семейная переписка между отцом и матерью, Светла-

ной и отцом. Первое, что мы услышали от нее, когда открыли папки с документами, были слова возмущения тем, что эти глубоко личные письма хранятся в каких-то государственных архивах, что ими распоряжаются совершенно чужие люди.

А, меж тем, письма эти много могли бы рассказать об отношениях в семье, Сталина с женой, чего 6-летняя тогда Светлана помнить просто не может. Вот, например, несколько фрагментов из писем, которыми обменивались супруги, когда Сталин уезжал в «бархатный» сезон лечиться на юг.

«Без тебя очень и очень скучно, как поправишься, приезжай и обязательно напиши мне, как себя чувствуешь. Мои дела пока идут успешно, занимаюсь очень аккуратно. Пока не устаю, но ложусь спать в 11 часов. Зимой, наверное, будет труднее...» (Из письма Надежды 27 сентября 1929 года.)

«Как твое здоровье? Приехавшие товарищи рассказывают, что ты очень плохо выглядишь и чувствуешь себя. По этому случаю на меня напали Молотовы с упреками, как это я могла оставить тебя одного...» (Из письма Надежды 19 сентября 1930 года.)

«Попрекнуть тебя в чем-либо насчет заботы обо мне могут лишь люди, не знающие дела. Такими людьми и оказались в данном случае Молотовы. Скажи от меня Молотовым, что они ошиблись насчет тебя и допустили в отношении тебя несправедливость.

Что касается нежелательности твоего пребывания в Сочи, то твои попреки так же несправедливы, как несправедливы

попреки Молотовых в отношении тебя... «(Из письма Сталина 24 октября 1930 года.)

«Направляю тебе «семейную корреспонденцию». Светланино письмо с переводом, так как ты вряд ли разберешь все те важные обстоятельства, о которых она пишет...

Здравствуй папочка, приезжай скорее домой фчера ритка токой пракас зделала уж очень он азарная целую тебя твоя сятанка». (Из письма Надежды 21 сентября 1931 года.)

«Здравствуй, Иосиф! В Москве льет без конца дождь. Сыро и неуютно. Ребята, конечно, уже болели гриппом и ангиной, а я спасаюсь, очевидно, тем, что кутаюсь во все теплое. За город так и не выбралась. В Сочи, наверное, прекрасно, это очень и очень хорошо.

У нас все идет по-старому однообразно – днем заняты, вечером дома и т. д...» (Из письма Надежды 26 сентября 1931 года.)

Конечно, человека непосвященного эти письма не удивят, но для дочери, которая никогда прежде не видела переписки родителей, они значили многое. Видимо, под влиянием этих впечатлений она вспомнила фразу из разговора родителей, случайным свидетелем которого стала. Так бывает в жизни, когда вдруг в памяти всплывает какой-то эпизод из далекого и уже давно забытого детства.

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Ты все-таки немножко любишь меня!» – сказала мама отцу.

Меня так удивило это «немножко». Ребенку казалось, что все вокруг должны любить друг друга очень-очень. При чем здесь «немножко»? Теперь-то я понимаю, что эта фраза была продолжением какого-то большого и нелегкого разговора, каких наверняка было много в их жизни. Я думаю, что отца было терпеть очень трудно. Сдерживая себя в деловых отношениях, дома он не церемонился. Мне довелось в полной мере испытать потом это на себе. Я уверена, что мама продолжала его любить, несмотря ни на что.

Она любила его со всей силой цельной натуры однолюба. Ее сердце, я думаю, было покорено раз и навсегда. Жаловаться и плакать – она этого не терпела...

Еще я очень хорошо помню два последних дня ее жизни. 7 ноября мама взяла меня на парад на Красной площади. Это был мой первый парад. Я стояла рядом с мамой с красным флажком в руке, а Хрущев, который был рядом, все время поднимал меня на руки, чтобы лучше было видно всю площадь. Мне было 6 лет и впечатления были очень яркими. На следующий день воспитательница сказала нам, чтобы мы описали все, что видели. Я написала: «Дядя Ворошилов ездил на лошади». Мой 11-летний брат высмеял меня и сказал, что надо было написать: «Товарищ Ворошилов скакал на коне». Он довел меня до слез. В комнату вошла мама и рассмеялась. Он увела меня с собой в свою комнату. Там

усадила на тахту. Все, кто жил на Кавказе, не могут отказаться от этого традиционного широкого дивана с валиками. Мама долго внушала, какой я должна быть и как себя вести «Не пей вина! – говорила она. – Никогда не пей вина!» Это были отголоски ее вечных споров с отцом, который по кавказской привычке всегда давал детям хорошее виноградное вино. Она думала, что в будущем это не приведет к добру. Между прочим, пример моего брата Василия доказал это. Я долго сидела у нее в тот день на тахте и оттого, что встречи с мамой были редки, хорошо запомнила эту. Если бы знать, что она последняя!

Все, что произошло вечером 8 ноября, я знаю только по рассказам. Был правительственный банкет в честь 15-й годовщины Октября. «Всего-навсего» отец сказал ей: «Эй, ты! Пей!» А она «всего-навсего» вскрикнула вдруг: «Я тебе не «эй»!» – встала и при всех вышла из-за стола. Потом Полина Семеновна Молотова, с которой они вместе ушли с банкета, рассказывала мне: «Казалось, что она успокоилась. Она говорила о планах, о занятиях в академии, о будущей работе». Полина Семеновна приглашала ее к себе, чтобы не оставлять на ночь одну, но мама отказалась и ушла... Тетки потом говорили мне, что причиной ее самоубийства стала какая-то болезнь, причинявшая постоянные головные боли, глубокая депрессия...»

Конечно, то, что рассказала Светлана Иосифовна, это наиболее «мягкий» вариант происшедшего на том злосчастном

банкете. Скорее всего, это версия ее отца, принятая в семье. На самом же деле воспоминаний об этом событии и его толкований масса. Одни говорят, что он кидал в нее хлебным мякишем и корками апельсина, другие припомнили, что прилюдно созванивался с какой-то женщиной и, вызвав машину, уехал к ней, третьи считают, что это было обострение психического расстройства. Есть еще и совсем уж невероятная версия, что она должна была застрелить Сталина, но не смогла и покончила с собой. Так или иначе, Надежда ушла домой и там застрелилась из пистолета, подаренного ей братом Павлом.

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Никто не мог понять, как же она могла это сделать. Мама была человек очень сильный, организованный. Она выросла в семье революционеров-подпольщиков, была рядом с отцом на Гражданской войне, работала в секретариате Ленина. Ей был всего 31 год. Ужасно. Отец считал это предательством. Нож в спину. Тут же начали шептать, что это он ее убил. Так и до сих пор идет. Но мы в семье знаем, что это не так. Ему было очень трудно. Он вдруг начинал говорить: «Ты подумай, у нее был маленький такой пистолетик. Павел нашел, что подарить». Смерть мамы его подкосила. Родственникам говорил: «смерть Нади искалечила меня навсегда». Это действительно было так. Он лишился доверия ко всем».

Из интервью Александра Аллилуева:

«Спустя годы моя мать рассказывала мне, что никто предположить не мог, что дело закончится стрельбой. Надежда Сергеевна собиралась поехать с детьми к родственникам в Ленинград. Подоплеку этого она не раскрыла, а только отдала своему брату, а моему отцу, с которым была очень близка, какой-то маленький сверток и сказала: «Вот меня не будет, я не хотела бы, чтобы кто-то туда лазил».

Когда случилась эта страшная трагедия, папа пришел домой и спросил маму о свертке. Открыли и увидели письмо. О нем наша семья молчала много лет. Обращаясь к отцу и маме, Надежда Сергеевна писала, что она принимает решение уйти из жизни, так как не видит другого выхода. Иосиф ее замучил, он достанет ее всюду. Он совсем не тот человек, за которого себя выдает, за которого они его принимали. Это двуликий Янус, который переступит через все на свете. Надежда Сергеевна попросила принять участие в детях, особенно позаботиться о Василии, мол, Светлану он и так любит, а Василия жучит.

Родители были потрясены. Мама предложила показать письмо Сталину, но отец категорически не согласился и сказал, что письмо надо сжечь. Так и сделали. Много лет они молчали об этом письме и только лишь после войны, когда мама вышла из лагеря, она рассказала мне и Кире».

Официально причиной смерти жены Сталина был объявлен аппендицит. Похороны были устроены, что называется,

по первому разряду: с некрологами и статьями в газетах, всенародной скорбью и шествием траурного кортежа через центр Москвы. 9 ноября попрощаться с матерью привезли Светлану и Василия. Светлана Иосифовна говорит, что это стало самым страшным воспоминанием ее детства. 6-летнюю девочку заставили подойти к телу матери и поцеловать холодный лоб. С громким плачем она убежала. До сих пор доподлинно неизвестно, прощался ли с Надеждой Сталин. Одни утверждают, что он подошел, поцеловал жену, а потом оттолкнул от себя гроб, другие говорят, что его перепутали с Алешей Сванидзе, а Сталина, мол, вообще не было на похоронах, да и на могилу он никогда не приходил.

Из интервью Владимира Аллилуева:

«У многих членов нашей семьи, и у меня в том числе, было убеждение, что обида на Надежду за самоубийство была так глубока, что Сталин никогда так и не приходил на ее могилу. Но оказалось, что это не так. Сотрудник охраны Иосифа Виссарионовича Алексей Рыбин, бывший рядом с ним долгие годы, рассказал мне, что в октябре 1941-го года, когда судьба Москвы висела на волоске и правительство готовилось к возможной эвакуации, Сталин приехал на Новодевичье кладбище проститься с Надеждой Сергеевной. Он же утверждал, что Иосиф Виссарионович периодически приезжал на Новодевичье и подолгу молча сидел на мраморной скамье около памятника. В стене монастыря напротив захо-

ронения была даже прорублена для него небольшая калитка».

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Я думаю, что смерть мамы унесла из его души последние остатки тепла. Он освободился от ее смягчающего присутствия, так мешавшего ему. Я думаю, что с той поры он окончательно укрепился в том скептически недоброжелательном взгляде на людей, который был свойственен его натуре».

Яков

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Яшу мы все очень любили. Сейчас, с высоты лет и опыта, мне кажется, что именно он мог стать моим единственным другом, близким человеком на всю жизнь. Он был значительно старше всех нас, детей, и уже тем самым притягивал мое внимание, а еще в нем была какая-то загадка и рождения, и появления в нашей семье, и в отношениях с отцом, которого мы, младшие, считали только своим.

Яша родился в 1907 году от первого брака отца с Екатериной Сванидзе. Она умерла совсем молодой от тифа. До четырнадцати лет он рос в семье Сванидзе в Грузии, а потом был отправлен в Москву. У отца с ним были сложные отношения. Он любил меня и Васю, малышей, из которых, как он думал, мог слепить, что угодно, а Яша уже был под-

ростком, хотя и тихим, покладистым, но со своим мнением. В нем был какой-то внутренний жар. Он мог неожиданно вспылить, взорваться, даже надавать тумаков Василию, когда тот грубил или сквернословил при мне. Да, и в жизни он все решения принимал сам, не советуясь с отцом и не следуя его воле. Сам поступил в институт, работал простым инженером, а потом закончил артиллерийскую академию и в первые же дни войны ушел на фронт простым лейтенантом. Тогда и случилось страшное: Яков попал в плен. С фронта в Кремль прислали листовки, которые немцы сбрасывали с самолетов. От отца долго скрывали, но, видимо, одна из них все же попала к нему. Яков на допросе. Яков с немецкими офицерами, на какой-то поляне. И ужасающий текст.

Из немецкой листовки:

«Это Яков Джугашвили, старший сын Сталина, командир батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка 14-й бронетанковой дивизии, который 16 июля сдался в плен под Витебском вместе с тысячами других офицеров и бойцов. По приказу Сталина учат вас Тимошенко и ваши политкомы, что большевики в плен не сдаются. Однако красноармейцы все время переходят к нам. Чтобы запугать вас, комиссары вам лгут, что немцы плохо обращаются с пленными. Собственный сын Сталина доказал своим примером, что это ложь. Он сдался в плен. Потому что всякое сопротивление германской армии отныне бесполезно. Следуйте приме-

ру сына Сталина – он жив, здоров и чувствует себя прекрасно. Зачем вам приносить бесполезные жертвы, идти на верную смерть, когда даже сын вашего верховного заправили уже сдался в плен? Переходите и вы!»

Эту подлинную немецкую листовку с фотографиями мы обнаружили все в том же «Фонде Сталина». Вообще, там было достаточно много документов, связанных с пленением и гибелью Якова Джугашвили. Вообще, там было много документов, которые свидетельствуют об особом отношении Сталина, его окружения, да и последующих правителей, к этому трагическому событию. Вот, например, протокол допроса Якова Джугашвили профессиональным немецким разведчиком капитаном Штрикфельдом, который, судя по всему, пытался завербовать офицера, но безуспешно. Из текста следует, что Джугашвили держался спокойно и с достоинством. Написать письмо отцу отказался. В падение Москвы не верил, хотя немцы уже подходили к столице. Из ответов ясно, что больше всего Якова беспокоило, чтобы отец не поверил в его предательство. Он несколько раз повторил, что не успел застрелиться – захват был слишком стремителен. Настораживает и одна фраза из протокола: «Меня выдали некоторые военнослужащие моей части». Она подтверждает возможность того, что сына Сталина специально заманили в западню, что стало результатом тщательно спланированной операции. Судя по всему, эта тайна навсегда ушла в историю,

но факт в том, что Яков не стал изменником и погиб в концлагере Заксенхаузен. В тамошнем музее хранятся воспоминания узников, которые видели, как он погиб, бросившись на находящиеся под током ограждения из колючей проволоки.

Сталин оказался верен своей формуле: «Нет военнопленных, есть изменники Родины». Известна и еще одна его фраза, касающаяся возможности обмена Якова на фельдмаршала Паулюса: «Я солдат на маршалов не обмениваю».

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Несколько раз во время войны и после нее отец заводил разговор о Якове. Никто не начинал эту тему, не задавал вопросов – он сам. Было видно, что ему тяжело, надо как-то выговориться. «Какая тяжелая война, – говорил отец. – Нет ни одной семьи, которая бы не потеряла отца, брата, сына». Может быть, уже после смерти сына он почувствовал к нему какое-то тепло, свою вину за прежнее не очень доброе отношение. Этим, наверное, можно объяснить и его непонятную окружающим заботу о дочери Якова Галине, Гуле, как ее звали в семье. Обычно он был равнодушен к своим внукам. Из восьмерых видел только моих детей и Гулю. Отец даже пожелал, чтобы я присматривала за Гулей. Мне нравилась эта роль шестнадцатилетней тети. А дело в том, что ее мать Юлию Мельцер, последнюю жену Якова, после всего, что произошло, два года держали в тюрьме. Только отец с его подозрительностью мог придумать, что она каким-то об-

разом причастна к пленению сына. И, вообще, мне кажется, что отец напрасно отказался обменивать Якова и бросил его на произвол судьбы, а, точнее, на верную гибель. Это было весьма в его характере: отказываться от своих, забывать о них, как будто их и не было. Семья же продолжала надеяться на чудо. Уже после войны я стала получать странные посылки из-за рубежа. И по всему выходило, что это от Якова. Ходили слухи, что отец его все-таки обменял на какого-то высокого чина и отправил в Америку. Были люди, которые клялись, что видели его в Грузии. В иностранных газетах писали, что будто бы Яков бежал из лагеря, сражался с партизанами, женился на итальянке, от которой у него было двое детей. Еще одна версия, что он бежал в Турцию или Ирак и что Саддам Хусейн его сын. Посмотрите, мол, на его глаза, руки, походку. Он вылитая копия Яшиного отца. Бред всякий».

Конечно, все это легенды и мифы. Никакого подтверждения им в архиве мы не нашли. Документально же венчает судьбу Якова Джугашвили Указ о посмертном награждении его орденом Отечественной войны. Отец все же реабилитировал сына.

Василий

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Грузины всегда очень многого хотят от сыновей. Они хотят, чтобы они повторили их путь, пошли дальше, чтобы ими

можно было гордиться. Но, к сожалению, мои братья не проявили себя так, как хотелось бы отцу. Вася с детства часто вызывал его гнев. Помню, как-то за ужином отец пригрозил, что даже выгонит его из дома, если он не возьмется за ум и не наладит учебу. Вася всегда боялся отца. Только он хоть как-то мог привести его в чувство. Ведь после смерти мамы мы были в Зубалово предоставлены сами себе. Весь надзор осуществлял комендант, который следовал отцовским инструкциям и жаловался на нас непосредственно ему. Васю же вконец испортили холуи, окружавшие его. Они и пить научили, чуть ли не с 15 лет.

А уж потом в доме нашем была постоянная толчея. Возле него толпилось много незнакомых летчиков. Все были подбодрастны перед молоденьким начальником.

Рядом не было никого из старых друзей, которые были бы ровней ему. В дом приезжали спортсмены, актеры, музыканты. Царил дух какого-то пьяного разгула, которого не было здесь никогда.

Панический страх перед отцом преследовал его всю жизнь. Я помню, когда он уже был генерал-лейтенантом (опять же холуи его произвели, когда ему не было еще и тридцати), весь увешанный орденами (за что?), он при отце даже садился как-то на краешек стула. Его буквально трясло. Если отец спрашивал его о чем-то из области авиации, он никак не мог найти ответа. Начинал метаться.

Он пил, конечно, нервный был. И тогда отец говорил: «Ты

что? Пьян? Или ты с похмелья? Что с тобой?» И тогда Василий совершенно не мог с собой совладать. Это было ужасно. Страшно было на него смотреть. И постепенно их отношения пришли к полному разрыву. Никакой родственной близости уже не было».

Это почти все, что рассказала нам Светлана Иосифовна о своем родном брате. Было очевидно, что никаких теплых ностальгических чувств эти воспоминания у нее не вызывали. Несмотря на кровное родство, это были совершенно разные люди. И расходились они в главном: Светлана всегда старалась сама стать личностью, не использовать данное ее судьбой родство, а Василий только этим и жил. Причем Сталин никогда не способствовал пагубным устремлениям сына. Вот только два документа из кремлевского архива. Один из них датирован июнем 1938 года. Это ответ Сталина на письмо классного руководителя Василия В. В. Мартышина, в котором он писал о грубости, двойках, прогулах недоросля.

«Ваше письмо о художествах Василия Сталина получил. Спасибо за письмо. Отвечаю с большим опозданием ввиду перегруженности работой. Прошу извинения.

Василий – избалованный юноша средних способностей, дикаренок (тип скифа!), не всегда правдив, любит шантажировать слабеньких «руководителей», нередко нахал, со слабой – вернее – неорганизованной волей. Его избаловали вся-

кие «кумы» и «кумушки», то и дело подчеркивающие, что он – «сын Сталина».

Я рад, что в Вашем лице нашелся хоть один уважающий себя преподаватель, который поступает с Василием, как со всеми, и требует от нахала подчинения общему режиму в школе. Василия портят люди-тряпки, которым не место в школе, и если наглец – Василий не успел еще погубить себя, то это потому, что существуют в нашей стране кое-какие преподаватели, которые не дают спуска капризному барчуку.

Мой совет: требовать поостроже от Василия и не бояться фальшивых шантажистских угроз капризника насчет «самоубийства». Будете иметь в этом мою поддержку.

К сожалению, сам я не имею возможности возиться с Василием. Но обещаю время от времени брать его за шиворот.

И. Сталин».

Несмотря на столь жесткое внимание со стороны отца, Василий так и не преуспел ни в школе, ни потом в летном училище. В результате войну он начал младшим лейтенантом без диплома, но закончил уже генерал-лейтенантом авиации. Оказалось, что «холуи» и «кумы» сильнее самого Верховного Главнокомандующего, который лично многократно разжаловал сына, увольнял с должностей, сажал на гауптвахту.

«Командующему ВВС Красной Армии маршалу авиации тов. Новикову А. А.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Немедленно снять с должности командира авиационного полка Сталина Василия Иосифовича и не давать ему каких-либо командных постов впредь до моего распоряжения.

2. Полку и бывшему командиру полка полковнику Сталину объявить, что полковник Сталин снимается с должности командира полка за пьянство и разгул и за то, что он портит и развращает полк.

Народный комиссар обороны *И. Сталин*.

26 мая 1943 г.

Исполнение донести».

После такого позора нормальный офицер должен был бы застрелиться или, лишившись всех званий и наград, отправиться в штрафбат искупать его кровью. Однако Василий отделался восьмимесячной ссылкой на собственной даче. И это в самый разгар войны! Утверждают, что его всячески вытягивали наверх Берия и маршал Булганин, люди очень близкие к Сталину. Так или иначе, но он успел еще покомандовать несколькими дивизиями и даже авиакорпусом, собрав за войну целую «коллекцию» боевых орденов и медалей. В ней не хватало только Золотой Звезды Героя.

В личной жизни Василия Сталина тоже царила полная неразбериха. Первый его брак с актрисой Галиной Бурдонской продержался четыре года и кончился полным разрывом и скандалом. Потом его женой была дочь маршала Ти-

мошенко, потом знаменитая спортсменка пловчиха Капитолина Васильева. У него были дети, но из всех племянников Светлана выделяла Александра. Александр Васильевич Бурдонский, известный театральный режиссер, несмотря на разницу в возрасте, был близок ей духовно.

Из интервью Александра Бурдонского:

«После развода родителей я на восемь лет был разлучен с мамой, которую очень любил, так как отец отобрал детей себе. Но и с отцом я общался мало. Я был отдан в суворовское училище в другом городе, и он был от меня далеко. Помню, на похороны деда меня привезли из Карелии самолетом в сопровождении какого-то кагэбэшника. Я сидел рядом с отцом в Колонном зале, видел толпы рыдающих людей и смотрел на все это перепуганными глазами. Мне было неловко, что я не плачу. Я ведь с ним ни разу в жизни не встречался. Позже я понял, что из страха никогда не возникает любовь. Власть диктует свои условия. Она отнимает у человека все. Отравляет все, что Бог дал ему хорошее. А дурное – оно не в божеской власти.

Ни от деда, ни от отца я не видел ничего: ни ласки, ни угрозы. Мне было неприятно, когда в школе мне вслед говорили: «Смотрите, внук Сталина!» Мне без конца меняли фамилии. Вначале я был Сталин, как отец. Потом Аллилуев. Потом в суворовском училище я стал Васильевым. А уже взрослым взял фамилию матери. В моем сердце, душе, в мо-

ем мозгу, что ли, конечно, есть обиды и счета свои, которые уже никогда не будут оплачены. Да я и не предъявляю их к оплате...»

После войны Василий продолжал вести все ту же веселую жизнь, но в нее уже вписывались новые нотки.

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Вокруг него стали толпиться какие-то темные люди: масажисты, тренеры, спортсмены подбивали его на разные аферы, на махинации с футбольными и хоккейными командами, на строительство за казенный счет каких-то сооружений, бассейнов, дворцов спорта. Он не считался с казной, мог распоряжаться огромными суммами и не знал цены деньгам. Жил он на своей огромной казенной даче, где развел колосальное хозяйство, псарню, конюшню. Ему все давали, все разрешали. Его военной карьере окончательно наступил конец 1 мая 1952 года. Это был последний Первомайский парад отца. С утра погода была нелетной, и командование решило отменить воздушный парад. Однако Василий, игнорируя приказ свыше, приказал поднять самолеты в воздух. Авиация прошла плохо, нестройно, чуть ли не задевая шпили Исторического музея. А на посадке несколько самолетов разбилось. Отец сам подписал приказ о снятии Василия с командования авиацией Московского округа.

После этого Василий окончательно опустился. Он сидел на даче и пил. В день смерти отца он появился в Кунцеве то-

же пьяным. Вел себя безобразно. Истерил, скандалил, обвинял во всем правительство и врачей. Вскоре его арестовали. Всплыли аферы, растраты, злоупотребления властью и служебным положением. Обнаружилось столько обвинений, что хватило бы и на расстрел. Естественно, что все это случилось не вдруг. Хрущев и компания, я думаю, боялись его. Слишком много знал и в пьяном угаре мог наболтать что угодно. Он получил восемь лет. Мы с Капитолиной Васильевой, с которой я дружила, навестили его во владимирской тюрьме. Это было мучительно. Он требовал от нас ходить, звонить, добиваться его освобождения. Метался, не знал, к кому обратиться. Ужасно страдал. Однако мы никуда не ходили и не звонили, зная, что, окажись он на свободе, все опять начнется сначала. Так и случилось, когда после досрочно освобождения он оказался в Москве. Ему вернули все: генеральское звание, пенсию, партбилет, машину, квартиру, дачу. Василию показалось, что он вновь стал тем же, каким был. Скандалил, всех поучал, разоблачал. Я с ним не общалась. Скоро его опять посадили за какое-то происшествие с иностранцами, а потом отправили в Казань, запретив жить в Москве и Грузии. С ним была какая-то неизвестная медсестра Маша. Думаю, что ее приставило КГБ, чтобы поскорее «решить проблему». На последней фотографии, сделанной после его приезда в Казань, Василия не узнать: это был тяжело больной семидесятилетний старик, хотя было ему всего сорок. Он умер 19 марта 1962 года, сутки не приходя в сознание

после очередной попойки с какими-то грузинами. На похороны я не поехала».

Светлана – Дочь Иосифа

Уже несколько дней встречались мы со Светланой Иосифовной, проводили вместе по несколько часов, а точнее, как говорят телевизионщики, по целой «съемочной смене», с перерывами на ленч и вечерний чай. В профессиональном смысле это нельзя было назвать интервью. Это было просто общение людей, в котором она была рассказчицей, а мы заинтересованными и благодарными слушателями. Чувствовалось желание нашей героини высказаться, пережить заново то, что уже давно осталось позади. И видно было, как она страдает... Вспомнился Тузенбах из чеховских «Трех сестер»: какие пустяки, какие глупые мелочи иногда приобретают в жизни значение. Вдруг, ни с того ни с сего. Считаешь их пустяками и все же идешь и чувствуешь, что у тебя нет сил остановиться...

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Нигде лучше не поймут меня, чем в России, где было немало «Очарованных странников» и «Очарованных странствий» по дорогам судьбы. Жизнь тклет свой узор, бросая нас во всевозможные перипетии, а мы, барахтаясь, утопая, пытаемся спасти себя и других, двигаемся куда-то вперед, а может

быть, и назад. Воспоминания, как зеркало, отражают то, что было. Менять слова или факты нельзя. Под страхом смерти – НЕЛЬЗЯ!»

Все встречи и беседы происходили по-прежнему в отеле. Видно было, что приглашать к себе Светлана Иосифовна не очень хотела, но потом все же решилась. «Только без оператора», – было условие.

Мы долго ехали на двухэтажном лондонском автобусе из центра города на его северную окраину. Это был ее ежедневный маршрут на «северный полюс», как называла Светлана свой район. Здесь был целый квартал трех– или четырехэтажных серых домов, похожих на наши заводские или студенческие общежития. Консьержка, встретившая у дверей нужной нам секции, тоже была чем-то неуловимым похожа на знаменитых вахтерш общежитий. Настороженностью, пытливым взглядом, быть может. Предупрежденные хозяйкой о недопустимости вступать в какие-то разговоры и отвечать на расспросы, коротко назвали имя: Лана Питерс.

Внутри дом был похож на те, что когда-то строили в Москве и называли «домами гостиничного типа». На каждом этаже был один длинный коридор с одинаковыми дверями по обе стороны. Из одной такой двери и вышла навстречу нам Светлана Иосифовна. Пригласила войти. За дверью – маленькая прихожая, из которой можно попасть в комнату, кухню и санузел. Все помещения очень небольшие, скромно

меблированные. Собственно, это и было общежитие, муниципальный приют для одиноких пожилых пенсионеров. Первое, что спросила хозяйка: не было ли лишних расспросов со стороны консьержки. Ее это очень заботило, потому что в доме никто не знал, кто она, — Лана Питерс, и все.

В комнате были кровать, платяной шкаф, письменный стол, заваленный книгами, кресло. «Живу, как студент, — сказала Светлана Иосифовна, — Отец тоже так всю жизнь жил. Ничего лишнего. Никаких ненужных вещей. У меня, собственно, и нет ничего. После смерти отца осталась большая библиотека, письма, фотографии. Все отобрали. Отдали лишь одно мое детское фото начала тридцатых годов».

А фотография оказалась удивительная: маленькая девочка, а за ней совершенно пустая и какая-то угрюмая Красная площадь, Мавзолей, Кремлевская стена. Когда знаешь, кто эта девочка, то оторопь берет: это как линия судьбы на ладони.

И вот с этого воспоминания об отце, о детской фотографии и продолжился ее рассказ-исповедь, который на этот раз мы вынуждены были снимать на маленькую любительскую камеру. А большая, кстати, да еще с оператором, в этой комнатухе просто не поместились бы.

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«После смерти мамы он очень изменился. Я уже говорила, что это отцу было как нож в спину. Он переехал на свою но-

вую дачу в Кунцеве. Жил там бобылем. Так ему нравилось. И работа, работа... Рядом остались только «соратники», члены Политбюро, те, кто поддакивал. А прежде в семье так не было принято. Каждый говорил то, что думал. А теперь уже были одни льстецы и подхалимы. Я была тогда еще девочкой, но уже не могла, как прежде, сидеть за столом, бегать, играть. Я была натянутой и ненужной. И потом чем дальше, тем больше, встреч становилось все меньше.

Почему он стал таким черствым? Я думаю, что это было заложено с детства. Оно было очень тяжелым, нищета жуткая. Прачка мать, сапожник, пьяница отец. Он колотил и его и мать. Потом этот мальчик подрос, начал защищать мать, кидался между ними.

Мой отец рассказывал случай, когда ему было лет десять, он бросил в этого забулдыгу нож. Он убежал после этого. Прятался от отца, боялся, что он его убьет. Скрывался у соседей. Вот такое страшное детство, такие нравы в семье, где все обнажено. По сути дела мать вытасила его из этой жизни. На заработанные крохи отправила учиться в церковную школу.

Ну а потом нет ничего мудреного в том, что из такого детства выходят революционеры, подпольщики, которые борются с такой жизнью. Он обожал мать, всегда был к ней очень привязан. Позже писал ей очень нежные письма. Вы, наверное, видели их в архиве. Они всегда начинались словами: «Мама – моя...»

Из «Фонда Сталина»:

«16 апреля 1923 года. Мама – моя!

Здравствуй!

Будь здорова, не допускай к сердцу печаль. Ведь сказано:
«Пока жив – радовать буду свою фиалку, умру – порадуются
черви могильные...»

Твой *Сосо*».

«1 января 1923 года.

Мама – моя!

Здравствуй! Живи десять тысяч лет.

Целую. Твой *Сосо*».

«26 февраля 1923 года.

Мама – моя!

Твои письма получили.

Желаю здоровья, твердости. В ближайшее время увидим-
ся. Живи тысячу лет.

Целую. Привет от Нади.

Твой *Сосо*».

«3 апреля 1924 года.

Здравствуй мама – моя.

Как поживаешь, как чувствуешь себя? Почему нет от тебя

письма. Надя шлет привет.

Целую. Твой *Coco*».

«25 января 1925 года.

Здравствуй мама – моя!

Знаю, ты обижена на меня, но что поделаешь, уж очень занят и часто писать тебе не могу. День и ночь занят по горло делами и поэтому не радую тебя письмами.

Живи тысячу лет. Твой *Coco*».

«25 июня 1925 года.

Привет маме – моей!

Как живешь и здравствуешь? Тысячу лет тебе жизни, бодрости и здоровья. Я пока чувствую себя хорошо.

До свидания. Привет знакомым.

Твой *Coco*».

«25 апреля 1929 года.

Здравствуй мама – моя!

Как живешь, как твое самочувствие? Давно от тебя нет писем, – видимо, обижена на меня, но что делать, ей Богу, очень занят.

Присылаю тебе сто пятьдесят рублей – больше не сумел. Если нужны будут деньги, сообщи мне, сколько сумею, пришлю. Привет знакомым.

Надя шлет привет. Живи много лет.

Твой *Сосо*».

«16 сентября 1930 года.

Здравствуй мама – моя!

Как живешь, как твое здоровье?

Недавно я болел. Теперь чувствую себя хорошо. Надя уехала в Москву. И я в ближайшее время уеду в Москву. Живи тысячу лет.

Твой *Сосо*».

«22 декабря 1931 года.

Здравствуй мама – моя!

Письма получил. Хорошо, что не забываешь нас. Я, конечно, виноват перед тобой, что последнее время не писал тебе. Но, что поделаешь, много работы свалилось мне на голову, и не сумел выкроить время для письма.

Береги себя. Если в чем нуждаешься, напиши. Лекарства принимать надо. Будь здорова, бодра!

Я чувствую себя хорошо.

Живи тысячу лет.

Твой *Сосо*».

«29 сентября 1933 года.

Здравствуй мама – моя!

Как чувствуешь себя, как живешь?

Твое письмо получил. Получил также варенье, чурчхели,

инжир. Дети очень обрадовались и шлют тебе благодарность и привет.

Приятно, что чувствуешь себя хорошо, бодро. Я здоров, не беспокойся обо мне. Я свою долю выдержу. Не знаю, нужны ли тебе деньги, или нет...

На всякий случай посылаю тебе пятьсот рублей. Присылаю также фотокарточки – свою и детей.

Будь здорова, мама – моя!

Не теряй бодрости духа!

Целую. Твой сын *Coco*.

Дети кланяются тебе. После кончины Нади, конечно, тяжелее моя личная жизнь, но, ничего, мужественный человек должен остаться всегда мужественным».

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«В 1934 году меня, Василия и Якова повезли в Тбилиси, чтобы повидаться с бабушкой Екатериной Георгиевной. Я помню, у отца даже была фотография, где мы вчетвером. У бабушки мы провели всего полчаса из недели, которую были в Тбилиси. Она занимала маленькую комнатку с низким потолком и подслеповатым окном на первом этаже какого-то старинного дворца с парком. В углу стояла железная кровать, на которой сидела старая женщина. Она обнимала нас сухими морщинистыми руками, говорила что-то ласковое по-грузински. Яша переводил нам, отвечал ей. Мы с Васей стояли молча. Я запомнила, что глаза у нее были светлые, а голо-

ва повязана платком. Но отец говорил, что она была рыжая, что в Грузии считается красивым. Мы остановились в доме Бери, и его жена Нина пришла с нами к бабушке. Мне показалось, что они ненавидели друг друга. Бабушка все время вытирала глаза, протягивала нам на блюдечке какие-то леденцы. Комната была полна старух в черном, пришедших на нас поглазеть. Они говорили, что я очень похожа на Екатерину Георгиевну. Такие же веснушки, такая же рыжая. В комнате пахло сушеными травами, которые лежали на подоконнике. А по лицу бабушки все текли слезы. Мне тогда и десяти лет еще не было, но до сих пор отчетливо помню каждую деталь. Больше всего удивило, почему он так бедно живет, занимая лишь одну комнатку в этом огромном дворце. А такую страшную железную кровать я видела вообще первый раз в жизни. Мне кажется, что у бабушки были свои принципы. Она прожила строгую, тяжелую жизнь, честную жизнь. Ее твердость, строгость к себе, пуританская мораль перешли к отцу. Больше я бабушку не видела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.